

Евгений Деменок

Светлый дух Евгения Михайловича

Большого, многое за свою жизнь сделавшего человека каждый знает со своей стороны.

Я не застал его знаменитых журналистских лет (о работе его в «Вечерней Одессе» ходят легенды), не ходил к нему на эфиры в годы его занятия тележурналистикой, не посещал заседаний секции книги при Доме ученых.

Я не захаживал с ним в гости к Олегу Соколову и не бывал на выставках, которые Евгений Михайлович устраивал в редакции «Вечерки», – только там можно было в застойные годы показать работы многих одесских художников.

И, к сожалению, не присутствовал на знаменитом диспуте о современной западной живописи, организованном им с друзьями в политехническом институте.

Я тогда еще не родился.

После того диспута, того вечера, который сам Евгений Михайлович называл «открытым переломом судьбы», его, девятнадцатилетнего, едва не исключили и из комсомола, и из института, что было тогда равносильно волчьему билету и заранее ставило крест на любой карьере и в принципе на хоть сколько-нибудь пристойном будущем. Спасло его и друзей только заступничество Бориса Полевого и Ильи Эренбурга – и собственная настойчивость и предприимчивость, позволившая ему с другом, Юлием Златкисом, достучаться до этих тогдашних небожителей.

«Медленно, как мне казалось, но за месяц маховик начал вращаться в другую сторону. Сдали сессию, исключение из комсомо-

ла нам заменили выговором, дав строгача секретарю комитета комсомола института. Ректор профессор Добровольский, отсидевший срок за «вредительство» еще в 1920-х годах, взяв меня в коридоре за пуговицу, усмехаясь, произнес: «Молодой пистолет, как вам повезло, что умер Сталин, а то рубили бы сучья там, где я лес выкорчевывал», – вспоминал Евгений Михайлович.

Диспут о живописи состоялся не где-нибудь, а в политехе, просто потому, что ни на филфак, ни на истфак еврею поступить было невозможно. Но и диплом о высшем образовании мальчику из хорошей еврейской семьи не иметь было невозможно.

Так что просветительством Евгений Михайлович занимался в любом месте и в любое время. Но, конечно, еще в школьные годы понял, что будет не физиком, но лириком. И что вся его жизнь будет связана со словом.

«В юности литература мне была интереснее жизни – то ли это заслуга, то ли ошибка отца. А Одесса мой город. Я люблю его историю, воплощение в литературе. «Одесская» глава «Евгения Онегина» – путеводитель для последующих литераторов. Но одесская литература началась с Власа Дорошевича. Он научил «короткой строке», определил, что такое одесский язык. По-моему, лучшая книга об Одессе после Пушкина – «Пятеро» Жаботинского. Рад, что мне удалось ее переиздать в Одессе в 2000 году – с парижского издания 1936-го. Это было первое издание в СНГ».

Да, я не застал его звездных журналистских лет.

Зато я узнал другого Евгения Михайловича.

Мудрого, опытного, почти всезнающего – там, где это касалось истории Одессы или литературы, пережившего взлеты и падения, готового делиться и отдавать. Делиться своим светом и отдавать свои знания и любовь.

Я узнал его подвижным, изобретательным, полным идей и проектов, иногда нетерпеливым, иногда категоричным, чаще дипломатичным, всегда придерживающимся своих убеждений, искренне убежденным в том, что искусство и культура важны, вечны и непреходящи, а слово – это главный способ достучаться до вечности и, может быть, в ней остаться.

Лучше всего мы учимся у тех, кто рядом. Поэтому так важен правильный выбор друзей. А вот учителей, настоящих учителей, не выбирают. Они сами появляются в нашей жизни в нужный момент.

Мы познакомились, когда ему было семьдесят два. Всего семьдесят два. Мне было тридцать девять.

Нет, действительно мы были знакомы гораздо раньше, но это было, как говорят в Одессе, давно и неправда – вряд ли Евгений Михайлович обращал внимание на меня, шестилетнего, игравшего с Катей Мальцевой на даче у Николая Алексеевича Полторацкого. А я, разумеется, не понимал, о чем они говорят, что обсуждают.

Дорого бы я дал сейчас за то, чтобы вновь услышать их разговоры.

За пятнадцать лет дружбы – осмелюсь назвать это так – мы многое успели.

Мы создали «Зеленую лампу» и провели сотни вечеров, на которых одесские поэты и прозаики читали свои новые тексты.

Издали полтора десятка книг авторства наших ламповцев.

Взяли больше шестидесяти интервью у одесских художников, которые легли в основу трех выпусков нашего альманаха «Смутная алчба». Мастерские художников – особый счастливый мир, и ходить с Евгением Михайловичем к тем, с кем он был знаком десятки лет, было наслаждением.

На одном из международных литературных фестивалей, проходивших в Одессе, мы с ним вызвались поговорить о судьбе и наследии Михаила Кольцова. Было это в 2017 году, совсем недавно. Рассказали собравшимся в Золотом зале Одесского литературного музея о задуманном им и воплощенном в жизнь усилиями двадцати шести авторов – да каких! – романе «Большие пожары». И сами подумали: а почему бы и нам не сыграть в эту литературную игру?

Результат игры – четыре романа, авторами которых стали несколько десятков одесских литераторов, живущих по всему миру. Романы печатались «онлайн» в «Вечерней Одессе», и в эти месяцы газету по четвергам в киосках было не сыскать.

Сюжетные ходы были непредсказуемы, авторы получали тексты предыдущих глав за неделю до сроков сдачи своих. И Евгений Михайлович всем этим управлял, умело дирижировал.

Он был просветителем. Он опекал и оберегал. Он вдохновлял. А еще он был хранителем – не только искусства, но и того неуловимого, что мы называем одесским духом. Того, что неистребимо.

Способов для этого было много: газета, альманах, книги и сборники, выступления и интервью.

А главное – устная традиция. Он передавал свои знания об истории Одессы так, как в свое время передавали Устную Тору. Это была святыня. Он знал всех и обо всем, его знали все. Ему бесконечно звонили, его повсюду приглашали, ни одно культурное событие в городе не обходилось без его прямого или опосредованного участия.

Ужасно жаль, что эта Устная Тора пока не вылилась в Талмуд – хотя и Евгений Михайлович, и Валентина Степановна Голубовские успели издать по несколько сборников воспоминаний. А фейсбучные дневники его перепечатали уже несколько журналов.

А как он умудрялся вычитывать весь тот поток текстов, которые ему присылали ежедневно десятки авторов на протяжении десятков лет, я до сих пор не понимаю. Для многих из нас он являлся первым читателем – первым и самым важным. Но ведь читал же и отвечал каждому, и советовал, и поправлял! И открывал все новые и новые таланты, и доказал, что литературная жизнь в Одессе жива. Фактически создал новую одесскую литературную волну, выводил на орбиту узнаваемости и популярности многих и многих. Одесские сборники вышли в ряде толстых журналов разных городов и стран – и все благодаря его усилиям.

Замечать новое и возвращать к жизни забытое было присущим ему особым даром. Благодаря Евгению Михайловичу одесситы вновь открыли для себя Владимира Жаботинского и Ефима Зозулю, Анатолия Фиолетова и Владимира Пяста. А уж сколько предисловий к вышедшим в нашем городе книгам он написал, не знал, думаю, даже он сам.

С момента нашего знакомства Евгений Михайлович стал моим камертоном – и это относилось отнюдь не только к литературе. Это относилось и к умению ежедневно делать свое дело, невзирая на то, что происходит вокруг; к бодрости, бесконечной изобретательности, искусству сосредоточить вокруг себя талантливых людей и поддерживать их всеми возможными способами.

Однажды в разговоре я пошутил о том, что Евгений Михайлович – гвоздь, на котором висит пальто одесской культуры. Все мы знаем, что в каждой шутке есть лишь доля шутки – остальное правда. В этой – так точно.

Юрий Михайлик написал как-то: «Голубовский, как говорят архитекторы, – градообразующий фактор».

И это ни в коей мере не являлось преувеличением.

Есть множество вещей, которым у него можно было учиться. С которых можно брать пример.

Одна из них – скромность. «Не нужно заводить архива, над рукописями трястись», – это о нем. То есть архив, конечно, есть, но связан он был с любимой на протяжении всей жизни поэзией. С литературой и живописью.

А вот статьи, заметки, очерки о себе он не собирал. Хотя они, пожалуй, заняли бы пару книжных шкафов.

Вторая – осознание своей миссии.

«Цель творчества – самоотдача / А не шумиха, не успех / Позорно, ничего не знача, / Быть притчей на устах у всех».

Да-да, именно самоотдача. В течение всей жизни он делился своими знаниями, советами, мыслями. Всегда был в центре культурных событий. Он успевал прочесть присланную рукопись и организовать презентацию, выступить на открытии выставки и написать статью – и так почти каждый день.

Он неоднократно говорил мне, что мог бы уехать еще в 90-х. Но решил, что кто-то должен остаться в Одессе, быть ответственным за город.

Третья – любовь к свободе. Он не искал благосклонности власть имущих, не ходил по высоким кабинетам, не гнался за званиями.

– Евгений Михайлович, как вас представить?

– Просто журналист. Одесский журналист.

Четвертая – благородство.

«И должен ни единой долькой / Не отступаться от лица».

Он всегда был верен себе и своим принципам. «Евгений» в переводе с греческого – благородный. Евгений Михайлович как никто соответствовал этому имени.

Во многом благодаря ему в 1960-70-х возродился образ Одессы – образ города необычного, не такого, как все, города с уникальными людьми, со своей контркультурой, со своим уникальным прошлым. Сегодня мы привычно называем это одесским мифом, и по сей день знатоки Одессы, краеведы и просто фанаты нашего города, зачастую сами того не зная, продолжают начатое им дело.

Во время войны, когда российские ракеты уже летели на любимую всеми нами Одессу, Евгений Михайлович, у которого в Фейсбуке были тысячи подписчиков, каждый вечер писал не посты даже, а эссе – о поэтах, о художниках, об Одессе мирной и военной. Именно он, наш вечный двигатель, растормошил всех нас через несколько месяцев после начала войны – когда писать не было никаких сил, – чтобы пересилить себя и прислать тексты для придуманного им же сборника «Война в стихах и прозе одесских авторов». Именно он неустанно напоминал нам о том, что нужно выпускать в свет новые книги – ведь это то, что останется от нас.

Процитированный выше Борис Пастернак не случаен.

5 августа 2019, как всегда поздно вечером, практически в полночь, Евгений Михайлович написал в Фейсбуке:

«Шестое августа... Много о чем можно было бы написать. Но нельзя, нужно о том, что больше другого на душе в этот день...

Встречался вчера с интересным человеком, коллекционером из Мариуполя. С Леной Антроповой размышляли, как улучшить наш сайт «Они оставили след в истории Одессы».

Складываются воспоминания о Мише Рыбаке, товарище, фотожурналисте...

Но в памяти все время звучала строка Пастернака: «Шестое августа по-старому, Преображение Господне».

Как много замечательных стихотворений написано про август... Перебираю в уме. Фет, Некрасов, Анненский, Гиппиус. К нам поближе – Бродский, Ахмадулина... А как не вспомнить Ахматову:

В каждом августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей...

Не буду никого ни с кем сравнивать. Но для меня, полюбившего стихи Бориса Пастернака с юности, очарованного его за хлебывающейся скороговоркой, вначале трудно было принять стихи позднего Пастернака. Но... пришло время у меня и для этих стихов. И с тех пор одно из самых любимых, почти пророческое, написанное в 1953 году – «Август».

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.
Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.
Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.
Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.
Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.
И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.
С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.
В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,

Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту».

*

«Почти пророческое» стало пророческим. Шестого августа Евгения Михайловича не стало...

А восьмого августа, в день похорон, к себе приковывала взоры двойная радуга, внезапно засиявшая над всем городом и над морем.

И это не было случайностью.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Евгений Михайлович был не только другом, учителем, наставником. Он был образцом для подражания, который самой своей жизнью показывал нам пример того, как действовать правильно и достойно. Показывал и будет показывать, потому что его свет будет с нами всегда.

И самым правильным будет стараться продолжать делать то, что делал он.

